

Читайте цикл
«ДОМ НА КРАЮ ЗЕМЛИ»:

ЗЕМЛЯ ТЭССЫ

ШТОРМ ХОЛЛИ

ТАТА АЛАТОВА

ШТОРМ ХОЛЛИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Иллюстрация на переплете
Алины Гагариновой (*Sylva*)

Алатова, Тата.

А45 Шторм Холли / Тата Алатова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-202507-5

Добро пожаловать в Нью-Ньюлин, где каждый будет собой, куда не каждый доберется.

Здесь гениальный художник запутал между собственными картинами, падший инквизитор — между своими желаниями, а бывший преступник — между страхами.

Здесь призраки строят козни, зомби влюбляются, пикси плодятся, а люди...

Ну а что люди?

Живут себе, как умеют.

Продолжение романа «Земля Тэссы».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202507-5

© Алатова Т., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

В это утро Холли Лонгли — величайшая радость человечества, по его собственному убеждению, — проснулся от того, что ему в лицо плеснули стакан воды.

Опять.

Как и всю прошлую неделю, между прочим, — с того рокового дня, когда он, поддавшись осенней апатии, забыл принести молоко призрак^у Теренса Уайта.

Зловредный дух бывшего зрителя чего-то там не собирался спускать такого пренебрежения.

В стареньком каменном замке, где вольготно гуляли сквозняки и то и дело что-то вздыхало, у Холли была единственная обязанность: проснулся — отнеси по блюдечку молока наверх, в башенку и на лужайку, где в крохотном электромобиле без усталости плодились легендарные корнуэльские пикси.

Один раз — всего один раз! — он поленился это сделать и вот теперь каждое утро расплачивался.

Громко, надрывно застонав, чтобы всем было понятно, как глубоко он несчастен и что он нуждается в утешении и заботе, Холли прислушался.

Дом был огорчительно тих.

эта корона
привидя
возврати

Никто не спешил к нему на помощь, чтобы предложить взвалить на себя все заботы и волнения.

Эгоисты.

Очевидно, Тэсса уже ушла в управление, а Фрэнк — в мастерскую.

С этой чертовой свадьбой весь Нью-Ньюлин буквально стоял на ушах.

Холи еще немного повздыхал над своей незавидной участью, выбрался из постели и пошлепал вниз, на кухню.

В холодильнике вместо свежей клубники — а волшебница Бренда выращивала ее, кажется, круглый год, — обнаружилась огромная свежая рыбина, выпучившая круглые глаза. От неожиданности Холи ойкнул и захлопнул дверцу.

6 Мир просто стоворился лишить его душевного равновесия!

Собравшись с силами, он снова открыл холодильник, быстро схватил бутылку молока, стараясь не смотреть грозной рыбине в глаза, и отскочил назад.

Брр, гадость какая.

Налив молоко в блюдечко, Холи поднялся наверх, в башенку.

Теренс Уайт сидел в кресле-качалке и вязал бесконечный шарф.

— Вот ваше молоко, — громко сказал Холи, — и совершенно незачем лить на меня каждое утро воду. Или хотя бы согревайте ее до приемлемой температуры. Хорошо бы добавить лавандовый аромат и, может быть, голубой глины для сияния моей кожи...

Тут он задумался, потеряв мысль.

Голубой!

Да, именно приглушенно-голубого цвета с уходом в серый не хватало единственной в округе кофейне — буквально нескольких деликатных мазков по чересчур жизнерадостной молочно-розовой стене.

Не договорив, Холли бросился собираться, предвкушая малиновый латте с тыквенным пирогом, которые Мэри Лу готовила специально для него.

В гостиной царил страшный бардак: после наступления холодов Холли пришлось перенести свою мастерскую с террасы внутрь, и теперь здесь громоздились мольберты, кофры с колерами, коробки с кистями и карандашами, деревяшки-заготовки Фрэнка, одежда Тэссы, которая вечно раздевалась и одевалась где придется, пустые бутылки из-под вина, стикеры от игры в фанты, пестрые боа Фанни и модные журналы, которые она выписывала с маниакальной страстью.

Закинув в деревянный ящик все, что ему может понадобиться, Холли натянул куртку, отыскал за диваном свои кроссовки — вчера он забросил их туда, когда разулся, чтобы изобразить танец одалиски.

Второе блюдечко с молоком он занес пикси по пути, после чего пересек неухоженную лужайку перед домом и зашагал по Нью-Ньюлину.

День был хмурым и ветреным — совсем не то, что могло порадовать хоть кого-то. Лямка от ящика привычно оттягивала плечо, и Холли торопился изо всех сил, не глядя по сторонам и все выше натягивая воротник.

Две ноги в некогда блестящих, а теперь забрызганных грязью ботинках возникли из ниоткуда и едва не шарахнули Холли по лбу.

Он моргнул, осознавая неожиданное препятствие перед собой, обошел висящие в воздухе ноги и поспешил дальше к своему тыквенному латте.

— Простите, — раздался сверху виноватый мужской голос, — вы не могли бы мне помочь?

— Совершенно не мог бы, — крикнул Холли на бегу, — ай-ай-ай, очень опаздываю!

— Пожалуйста...

В голосе было столько жалобного отчаяния, что Холли обреченно затормозил, обернулся и задрал голову вверх.

В нескольких футах над землей парил совершенно незнакомый толстячок в яркой голубой куртке, похожий на крупный воздушный шар.

Обеими руками он прижимал к груди разбухший рюкзак. Концы полосатого шарфа трепал ветер.

— Ну и что вам угодно? — недружелюбно спросил Холли.

8 — Кажется, я завис. И замерз, — признался толстячок.

Не задавая больше вопросов, Холли ухватил его за лодыжку и потащил за собой.

Он, между прочим, тоже замерз.

И возможно, завис.

Секретарь Мэри требовала, чтобы Холли отправился на выставку в Токио.

Или, на худой конец, в Нью-Йорк.

Или хотя бы показался в Лондоне, где галерея его имени требовала пиара и рекламы.

В ответ Холли отправил ей несколько картин, которые критики уже назвали «лиричным периодом» и теперь гадали, какие события в жизни художника привнесли столько нежности на полотна. «Изумительная палитра света, легчайшие, будто танцующие линии, радость и юность — вот что мы видим на новых картинах великого Лонгли», — захлебывались эпитетами они.

Идиоты.

Неужели не видно, что картинам не хватает глубины и смысла?

Они как будто были трейлерами, спойлерами, анонсами.

Однажды Холли нарисует настоящую картину, а пока...

Пока пусть будет лиричный период.

Если бы в Нью-Ньюлине водились настоящие журналисты, а не только злобная Камила Фрост с ее едкими опусами, Холли рассказал бы им, что на самом деле это переходный этап.

Что-то между тем и этим, серединка на половинку, личинки будущего шедевра.

Но журналистов в Нью-Ньюлине не водилось, хоть секретарь Мэри и предлагала устроить пресс-конференцию онлайн. Вот еще.

У входа в «Кудрявую овечку» пришлось потрудиться, чтобы впихнуть толстячка в дверь. Тот пыхтел и постоянно извинялся, пока Холли тянул его вниз, зато стоило им проникнуть в пекарню, немедленно взмыл наверх: больше его никто не держал.

Холли достал салфетки из кармана, вытер руки и сказал Мэри Лу:

— Ну, мне как всегда. А потом я облагорожу тебе стену, сил моих нет смотреть каждое утро на этот невыносимо скучный цвет.

Почему-то она не бросилась со всех ног выполнять заказ.

Вместо этого Мэри Лу, открыв рот, тарасилась на болтающегося под потолком незнакомца.

— Латте! Пирог! — нетерпеливо напомнил о себе Холли.

— Простите, сэр, — крикнула она, не пошевелившись, — вам там удобно?

— Да-да, вполне, — раздалось сверху. — Очень тепло и уютно, спасибо большое. Гораздо лучше, чем на улице.

— Может, что-то нужно?

— Нет-нет, я просто побуду немного здесь.

Мэри Лу наконец осознала, что так пристально разглядывать незнакомцев неприлично, опустила глаза и шепотом спросила у Холли:

— Где ты его взял?

— Подобрал по дороге сюда, — пожал он плечами. — Послушай, у меня было ужасное утро. Меня разбудили самым неподобающим образом...

— Да ну? — она захихикала.

10

Весь Нью-Ньюлин уже не первый месяц весело судачил о том, что происходит в замке на скале.

Самопровозглашенная мэр и шериф деревни, падший инквизитор Тэсса Тарлтон приютила в своем доме двух чужаков. Гениального и самого модного художника столетия, прямого потомка основателя Ньюлинской художественной школы Холли Лонгли и Фрэнка... просто Фрэнка.

Что еще о нем скажешь?

Местные обитатели редко совали нос в чужие дела. Каждый, кто нашел дорогу сюда, жил себе, как умел и хотел, но личная жизнь Тэссы Тарлтон не могла оставить ньюньюлинцев равнодушными.

Девчонка Одри даже взялась писать фанфики, и до того неприличные, что Холли читал их только под одеялом, краснея и потея.

Проихихикавшись, Мэри Лу взялась за латте, а Холли поставил ящик на пол и подвинул стул так, чтобы

сесть аккурат напротив опостылевшей ему стены. Прищурился один глаз, он принялся прикидывать, как сделать ее лучше.

— Представляешь, — сказал он, — в моем холодильнике большая мертвая рыба. И она смотрит прямо на меня!

— А ты смотришь прямо на мою стену, и смею заметить, с вожделением. Холли, ты не будешь ничего красить в моей пекарне, — откликнулась Мэри Лу.

— Красить не буду, — согласился он, — я же не маляр... Но спасти нас всех от этого уныния я просто обязан. Ах, где тебе понять! У тебя-то нет ни миссии, ни призвания.

— А у тебя не будет ни латте, ни пирога, если не уймешься!

Их перепалку прервали Милны, вошедшие в пекарню. Судя по курчавой поросли на их ушах, приближалось полнолуние.

— Доброе утро, — хором пропели они.

— Доброе, — раздалось из-под потолка. — Дебора, Билли, как я рад вас видеть!

Милны дружно запрокинули головы.

— Уильям Брекстон! — воскликнула Дебора. — Как славно, что ты все-таки принял наше приглашение посетить Нью-Ньюлин.

— Так это ваш друг? — с улыбкой спросила Мэри Лу и поставила перед Холли чашку с кофе и тарелку с пирогом. — Не будет ли ему удобнее за столиком?

— Но я не могу спуститься, — ответил толстячок, — у меня с раннего утра маковой росинки во рту не было. А когда я голоден, все время происходит нечто подобное.

— Ах ты боже мой! — вскричала Мэри Лу. — Ну ничего, сейчас мы вас мигом накормим.

Началась какая-то суэта. Из кладовки извлекли стремянку, Милны, перебивая друг друга, пересказывали человеку-воздушному-шарику последние новости, Мэри Лу вопрошала, чего именно желает на завтрак ее гость.

«Все равно, милочка, совершенно без разницы», — бормотал он, смущенный излишним вниманием к себе. Наконец девчонка вскарабкалась на стремянку, Милны подали ей туда чашку чая и омлет, и Уильям-как-его-там плавно спустился на пол.

За это время Холли, про которого все забыли, закончил со своим пирогом, открыл ящик и принялся вдумчиво колеровать краску, пытаясь добиться тончайших переходов цвета.

12

— Да что ты с ним будешь делать! — вдруг закричала Мэри Лу. — Посмотрите только, какой упрямец!

— Ах, деточка, — добродушно отозвалась Дебора Милн, — просто оставь его в покое. Разве ты не помнишь, что Холли Лонгли прибыл в Нью-Ньюлин лишь для того, чтобы вломиться в наш дом? Мы приняли его за грабителя! А он всего-то пожелал перерисовать собственную картину.

— И она стала гораздо лучше! — заявил Холли, ничуть не взволнованный недовольством владелицы кофейни.

— Ну, — крякнул Билли, — как по мне, разница не больно-то и заметна.

Тупицы.

Вот Тэсса — Тэсса по-настоящему видела его картины.

Тэсса сразу сказала, что теперь «Томное утро после долгой пьянки» излучает горячее нетерпение. Глядя на полотно, так и хочется узнать, что же случится дальше.

По правде говоря, чтобы изменить настроение «Томного утра», хватило всего нескольких штрихов, но Милнов возмутило, что Холли несколько месяцев держал картину у себя и вернул ее точно такой же, как и прежде.

Это привело его в бешенство, и он тут же захотел выкупить все пять своих картин, которые находились в их доме. Ну или украсть, если Милны не согласятся.

И почему его драгоценные работы находятся у людей, которые даже не в состоянии их оценить?

«Перестань, — сказала Тэсса, — искусство работает и тогда, когда люди его не понимают. Это как солнечный свет или морской воздух — они хорошо влияют на здоровье, даже если ты и не знаешь об этом».

Холли разубался, вспомнив ее слова.

Пекарня тоже станет лучше, даже если Мэри Лу и не поймет этого.

Низко склонившись, Тэсса Тарлтон пристально вглядывалась в детский рот.

Если ты являешься мэром такого поселения, как Нью-Ньюлин, то твои обязанности частенько принимают самую причудливую форму.

— Вне всякого сомнения, это зуб, — вынесла Тэсса вердикт.

— Человеческий зуб? — строго спросила невыносимая Бренда. — Не упыриный клык?

Жасмин в ее руках крутилась, как червяк.

Однажды ночью эту девочку нашли в лесу, заботливо спрятанную в теплом брюхе мертвой коровы. И с тех пор Бренда, взявшая младенца под свое крыло, каждый день тревожилась, а не превратится ли малышка в такое же чудовище, как и то, что ее породило.

— Человеческий зуб, — повторила Тэсса твердо. — Но я ведь вам уже объясняла, что в большинстве случаев метаморфозы начинаются в подростковом возрасте...

— Да-да, — перебила ее старушка, — это понятно. Все подростки в своем роде упыри.

Юная Одри, которая сидела рядом за столом и грызла ручку, сочиняя письмо своему соседу Джеймсу, живущему через забор от нее, громко фыркнула.

14

— Да вы со сварливым Джоном хуже, чем сто подростков, — заметила она. — Тэсса, ты знаешь, чем мы занимались этой ночью? Прятали кальмара на террасе Джона, чтобы он сошел с ума, пытаюсь понять, откуда так воняет.

— Почему бы тебе не написать об этом в «Расследования Нью-Ньюлина»? — рассердилась Бренда. — Ведь именно так следует поступать с секретами — трепаться о них направо-налево.

Она посадила Жасмин в манеж, и девочка тут же попыталась затолкать в рот обе свои руки.

— Сварливый Джон стал втрое сварливее после того, как из его сада украли свадебную арку, — вздохнула Бренда. — Он трудился над ней несколько месяцев, а потом — фьють! — и нету ее.

Первое бракосочетание в Нью-Ньюлине взбудоражило его обитателей. Каждый хотел внести свой вклад: в чате деревни шли ожесточенные споры

о том, каким должен быть торт, стоит ли подавать устрицы или курятину, где и когда проводить церемонию.

Вероника Смит, которая каждую ночь приходила на могилу своего мужа, чтобы как следует наорать на него, настаивала на том, чтобы мероприятие прошло в полночь на кладбище. Так мертвые могли бы стать участниками торжества.

Мэри Лу, дружившая с местным морским духом, хотела свадьбу на берегу.

Фанни считала, что самым подходящим местом является «Кудрявая овечка», потому что там тепло и сытно. Она собиралась надеть очень красивое платье, и ей не улыбалось прятать его под пальто.

— Как шериф, — сказала Тэсса, — я прикладываю все усилия, чтобы распутать это страшное злодеяние. Каким закоренелым преступником надо быть, чтобы стибрить кособокую арку!

— Могу поклясться, что это дело рук нашего чокнутого художника.

— Холли? — удивилась Тэсса. — На кой черт ему сдалась эта арка?

— Ну не знаю. Может, она оскорбляла его эстетический вкус. Как мое пугало, например.

Скандал с пугалом случился в конце лета. В тот злополучный день Холли явился к Бренде за свежей клубникой — он мог неделями лопать одни ягоды. Должно быть, воображал себя феей или кем-то в этом роде.

Вопль, который Холли издал при виде пугала на грядках, запросто мог составить конкуренцию вою Фанни, их баньши.

— Нет-нет! — закричал Холли. — В конце концов, это просто невыносимо!